

ДУГЛАС

КОУПЛЕНД

18+

ЭЙ, НОСТРА-ДАМУС!

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Дуглас Коупленд

Эй, Нострадамус!

«АСТ»

2003

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коупленд Д.

Эй, Нострадамус! / Д. Коупленд — «АСТ», 2003 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-107482-1

Легендарный автор двух «летописей времен» — «Поколения X» начала девяностых и «Рабов «Майкрософта» конца девяностых — вслушивается в пульс двухтысячных. Вера и смерть, любовь и одиночество, обыденность и красота, семья и свобода... Четыре человека, связанные судьбами, четыре откровенных истории, описывающие трагедию в обычной канадской школе. Возможно ли благополучное будущее после катастрофы, следы которой протянулись невероятно далеко? Что несут человеку перемены и стоит ли уповать на Божий промысел?

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107482-1

© Коупленд Д., 2003
© АСТ, 2003

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дуглас Коупленд Эй, Нострадамус!

*Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг,
во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые
воскреснут нетленными, а мы изменимся.*

(1-е Кор., 15:51–52)

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Douglas Coupland
HEY NOSTRADAMUS!

Перевод с английского А. Азова

Печатается с разрешения компании Planet X Publishing Inc. и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

© Douglas Coupland, 2003 © Перевод. А. Азов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Часть первая

1988: Шерил

Я глубоко убеждена: нас, людей, от окружающего мира (от спагетти, оберточной бумаги, глубоководных существ, альпийских цветов и горы Мак-Кинли) отличает способность в любой момент совершить все мыслимые грехи. Даже те из нас, кто пытается вести праведную и благочестивую жизнь, так же далеки от благодати Господней, как Хиллсайдский душитель или дьявол в человеческом обличье, сыплющий яд в деревенский колодец. События сегодняшнего утра только подтверждают справедливость моих слов.

А какое выдалось чудесное осеннее утро! Над тянущейся к западу горной грядой горело девственно-розовое солнце, освещая еще не укутанный покрывалом дневного смога город. Перед тем как отправиться в школу на своем маленьком белом «шевроле-шеветт», я зашла в гостиную и взглянула в отцовский телескоп, направив его на гавань. На поверхности гладкой, как ртутная капля, воды тускло лунное отражение. А потом я перевела телескоп на небо и увидела настоящую луну, тающую в солнечных лучах.

Родители уже ушли на работу. Мой младший брат Крис отправился на тренировку по плаванию несколько часов назад. Дом молчал: не слышалось даже тиканья часов. Открыв парадную дверь, я обернулась и взглянула на столик в прихожей, где лежали несколько пар перчаток и неоткрытые письма. За ним, на золотистом ковре гостиной, стояли дешевые диванчики и тумбочка со светильником, который никогда не включали, потому что он мгновенно сжигал лампочки. Все было так чудесно: эта тишина, этот спокойный порядок – что я подумала, как повезло мне вырасти в хорошем доме. А потом вышла наружу и закрыла дверь. Пусть я и опаздывала в школу, но торопиться не хотелось.

Обычно я выходила через гаражную дверь, но сегодня мне захотелось немного торжественности. Казалось, что этим утром я в последний раз смотрю невинными глазами на дом моего детства – не из-за того, что случилось потом, а из-за другой, маленькой, драмы, которая вот-вот должна была развернуться.

Сейчас я даже рада тишине и обыденности того дня. Дыхание замерзло в воздухе; заиндевевшая трава хрустела под ногами, как будто каждую травинку обжарили до корочки. С водосточных желобов на крыше хрипло ругались сойки в блестящем черно-синем оперении, а прихваченные морозом листья японских кленов словно превратились в кусочки цветного стекла. Томительно прекрасная природа хранила свою красу всю дорогу с горы до школы. От этой красоты я слегка опьянела, и в голове что-то щекоталось. Помню, я удивлялась: неужели художники и поэты так живут всю жизнь, переполненные чувствами, которые щекожут изнутри, как павлиньи перья?

На школьную стоянку я приехала последней. И почему всегда так неловко оказываться последней – последней куда бы то ни было?

С четырьмя толстыми тетрадками и несколькими учебниками я вылезла из «шевролешки» и хлопнула дверью. Та не закрылась, как надо. Я налегла на нее бедром – не помогло; только книги вывалились из рук. Тем не менее я оставалась спокойной.

В школе уже шли уроки. В коридорах было так же тихо, как дома, и я подумала: «Что за день тишины!»

Перед тем как пойти в класс, я отправилась к своему шкафчику. Набирала на двери нужную комбинацию, когда сзади подкрался Джейсон и гаркнул в ухо:

– У!

– Джейсон, не пугай меня так! И почему ты не на занятиях?

– Увидел, как ты приехала, и решил встретить.
– Так прямо встал и вышел из класса?
– Проехали, мисс-формалисс. Скажи лучше, с чего это ты так странно говорила по телефону вчера вечером?
– Я странно говорила?..
– Боже, Шерил, не бери пример со своих пустоголовых подружек.
– Это все?
– Нет. Теперь ты моя жена, поэтому води себя должным образом.
– Как это – должным образом?
– Послушай, Шерил, перед Богом мы теперь не два разных человека, понятно? Мы – одно целое. Так что, делая из меня дурака, ты и себя превращаешь в идиотку.
Джейсон прав. Мы действительно были женаты – уже почти полтора месяца, – хотя никто, кроме нас, об этом не знал.

Я опоздала в школу потому, что хотела остаться наедине с собой и проверить на беременность. Я не волновалась: в конце концов, я замужняя женщина, чего мне стыдиться? Вот только месячные запаздывали на три недели, а фактам надо смотреть в лицо.

Вместо нашей с братом ванной комнаты на первом этаже я поднялась наверх, в ванную для гостей. В ней было чуть больше от больницы, чуть меньше личного, и она, если честно, не способствовала угрызениям совести. Оливковая сантехника и настенная пленка с нарисованным на ней коричневым бамбуком почему-то заставляли почувствовать какую-то болотную сырость, с которой резко контрастировала коробочка теста на беременность – вся такая научная, белая в синюю полоску. Больше сказать, пожалуй, нечего. Разве что одно – пятнадцать минут спустя я официально была беременной и опаздывала на урок по математике.

– Господи Иисусе, Шерил...
– Не ругайся, Джейсон. Не поминай имени Господа всуе.
– Ребенок?
Я молчала.
– Ты уверена?
– Джейсон, я опаздываю на занятия. Неужели ты совсем не рад?
Джейсон зажмурился, словно что-то попало ему в глаза:
– Ну да, конечно, рад...
– Давай поговорим на перемене, – предложила я.
– На перемене не могу – мы с тренером готовим зал к игре. Сто лет как ему обещал. Лучше за обедом, в буфете.

Я поцеловала его в лоб, нежный, как рога ручного олененка, которого я как-то гладила в зоопарке.

– Ладно, там и увидимся, – согласилась я.

Он поцеловал меня в ответ, и я отправилась в класс.

* * *

Раньше я участвовала в издании ежегодного школьного альбома, так что цифры оттуда помню наизусть. Делбрукская школа находится в пяти минутах ходьбы от Трансканадской автомагистрали, на зеленом от водорослей северном побережье Ванкувера, и насчитывает тысячу сто шесть учеников. Она открылась весной 1962 года. И к 1988-му, моему выпускному году, из ее стен в «большой мир» вышло около тридцати четырех тысяч человек. Большинство из них в свое время были вполне милыми школьниками: косили лужайки, приглядывали за младшими братьями и сестрами, напивались по пятницам, а иногда разбивали машины или

крушили стены домов, даже не зная зачем – чувствуя только, что иначе нельзя. Многие из них выросли в послевоенных блочных домах, которые к 1988 году на рынке недвижимости считались мертвым грузом. Хорошие участки. Прелестные деревья. Красивые виды.

Насколько мне известно, Джейсон и я были единственной супружеской парой в Делбрукской школе. Здесь рано не женились, хотя вряд ли по религиозным убеждениям. Помню, как-то на уроке английского в одиннадцатом классе я подсчитала, что из двадцати шести учеников пятеро сделали аборт, трое торговали наркотиками, две – откровенные шлюхи и один – малолетний преступник. Думаю, это и подвигло меня к обращению: я боялась унаследовать мораль современного мира. Была ли я выскочкой? Ханжой? И кто вообще дал мне право судить? Не скрою, я хотела того же, что и остальные. Но при этом желала получить все по правилам, то есть поступая по закону и по вере. А еще – и здесь, пожалуй, крылась моя ошибка – я хотела быть умнее других. Меня постоянно гложет мысль, будто я использовала окружающих, чтобы добиваться своего. Так же с религией. Перечеркнула ли я все хорошее, что во мне было?

Джейсон прав: я – мисс-формалисс.

Математика кишела иксами и игреками, двумя буковками, которые крутились вокруг, словно в кошмарном сне, и мучили меня своим постоянным стремлением быть равными друг другу. Им бы жениться и стать новой буквой, положив конец всем этим глупостям. А потом нарожать детей.

Уставившись в окно, я задумалась о будущем ребенке, время от времени переворачивая страницы под шелест чужих учебников. Перед глазами мелькали картинки тяжелых родов, кормления грудью и детских колясок: мои знания о материнстве ограничивались тем, что я когда-то почерпнула из журналов и газет. Я делала вид, что не замечаю отчаянных сигналов Лорен Хэнли, сжимающей в руке явно предназначенную мне записку. Лорен – одна из немногих моих согруппниц по «Живой молодежи»*, продолжавших разговаривать со мной после того, как стали трепаться, будто мы с Джейсоном спим друг с другом.

Наконец Кэрол Шрегер передала записку. В ней Лорен умоляла поговорить на перемене. И вот мы встретились у ее шкафчика. Лорен, понятное дело, предвкушала слезливое раскаяние, поэтому от моей безмятежности ей, похоже, стало не по себе.

– Все только и говорят о тебе, Шерил. Твоя репутация идет прахом. Ты просто обязана что-то сделать.

Наверняка сама Лорен и распускала слухи. Только какое мне, замужней женщине, до этого дело?

– Пусть говорят, – ответила я. – Достаточно того, что мои лучшие друзья сторонятся подобных сплетен. Не правда ли, Лорен?

Она покраснела.

– Все знают, что в эти выходные, пока родители Джейсона были в Оканогане, твоя машина стояла у его дома.

– Ну и?..

– Ну и вы двое могли там чем угодно заниматься! Не то чтобы так и было... Но представь, как это сошлется со стороны!

На самом деле мы с Джейсоном действительно занимались «чем угодно» все выходные напролет. Однако должна признать, что я с удовольствием наблюдала за переминавшейся с ноги на ногу Лорен, смущенной моим молчанием. В любом случае мне было не до разговоров. И я покинула Лорен, сказав, что иду в класс готовиться к предстоящему выступлению о первых канадских трапперах.

В классе я села за парту, открыла голубую тетрадь и стала писать одни и те же слова: «Бог нигде», «Бог сейчас здесь», «Бог нигде», «Бог сейчас здесь»... Когда потом найдут эту тетрадку, пропитанную моей запекшейся кровью, поднимется большая шумиха. А чуть позже,

когда тело будут предавать земле, эти слова фломастерами напишут по всей поверхности моего белого гроба. Хотя на самом деле в тот момент я всего лишь пыталась очистить голову и ни о чем не думать, надеясь остановить время.

Здесь – где бы ни было это здесь – царит абсолютное спокойствие. Я уже не принадлежу земному миру, но еще не попала в мир грядущий. Думаю, после бойни сюда должна была попасть не только я. Но где остальные, сказать не могу. И, что бы это ни значило, я больше не беременна. Правда, не понимаю – почему. Где мой ребенок? Что произошло с ним? Как он мог просто взять и исчезнуть?

Здесь тихо. Тихо, как в родительском доме; тихо, как в классе, где я писала в тетрадке. До меня доносятся лишь молитвы и проклятия: только у них есть сила долететь до этого мира. Я разбираю слова, однако не могу понять, кто их произносит. Очень хочется услышать Джейсона и моих родных. Только как отличить их слова от речей остальных?

Всемогущий Боже,

Смой кровь с душ этих юных созданий. Очисти их память от грехов человеческих. Прими их в сад Твой и сделай их детьми Твоими, сделай их невинными. Сотри из их памяти дела дня сегодняшнего.

Я никогда не состарюсь. Я рада, что сохранила способность поражаться обыденным вещам, хотя что-то подсказывает мне – это скоро бы прошло. Я любила мир: его красоту, необъятность и в то же время – крохотность; любила первые аккорды песни «Битлз» «Прекрасная Рита»; голубей, прижимавшихся друг к дружке на фонарях у входа в Стенли-парк; чернику и голубику в первую неделю июня; гору Грауз, запорошенную снегом до среднего подъема к третьей неделе октября; горячие бутерброды, пропитанные расплавленным сыром; крики влюбленных ворон с электрических проводов в начале мая... Мир – восхитительное место, наполненное чарующими событиями, от которых комок встает в горле, будто смотришь на невесту, идущую к алтарю. Событий столь же значительных и исполненных любовью, как поднятая с ее лица вуаль, клятва в вечной верности и первый супружеский поцелуй.

Раздался звонок на обед, и коридоры заполнились знакомым шумом. Обычно я не ем в столовой: вместе с шестью подружками из «Живой молодежи» я захожу в «группу общего обеда» и каждый день езжу в какое-нибудь кафе у подножия горы, где мы заказываем салат, жареную картошку и газированную воду. Там мы взяли за правило ежедневно признаваться в содеянных грехах. Свой я всегда выдумывала: то стащила пудру с прилавка, то листала найденный у брата порножурнал – в общем, ничего особо серьезного. На самом деле мне просто легче было сидеть с пятью сверстницами в кафе, чем с тремястами в столовой. В глубине души я чуралась общества. И если бы остальные знали, как скучно на наших обедах, то ни за что бы не прозвали нас задаваками. Поэтому я удивилась, когда, зайдя в буфет для встречи с Джейсоном, застала наш девичник за одним из центральных столов. Подойдя к подругам, я поинтересовалась: «Ну и что все это значит?»

Их лица казались такими... детскими. Неотягощенными. Младенческими. Интересно, а потеряла ли я то, что осталось у них, – вид недоспелого плода, еще слишком зеленого, чтобы его сорвали.

Первой опомнилась Джейми Киркленд.

– Отец вчера напился и врезался в фонарь на Мерин-драйв, а Ди давала машину бабушке, и теперь в ней воняет. Так что мы сегодня как все.

– И все, наверное, польщены вашим присутствием, – сказала я, сев за их стол. Девчонки бросали многозначительные взгляды, но я напустила на себя рассеянный вид и повернулась к прилавку. Наконец Лорен, как представительница всей группы, нарушила молчание:

– Шерил, я думаю, стоит вернуться к нашему незаконченному разговору.

– Серьезно?

– Да, серьезно.

Я тем временем пыталась выбрать между выставленными на прилавке желе и фруктовым коктейлем.

Ди перехватила эстафету.

– Шерил, по-моему, тебе стоит кое в чем нам признаться.

Пять пар глаз осуждающе сверлили меня.

– И в чем же? – невинно спросила я. Ну-ка, ну-ка, произнесите вслух мой проступок.

– В том, – с трудом сказала Лорен, – что ты и Джейсон... прелюбодействовали.

Я больше не могла сдерживать смех. От моего хихиканья праведность на их лицах начала таять, как снег на капоте автомобиля. И тут я услышала первый выстрел.

Мы сошлись с Джейсоном с первой встречи, когда на уроке биологии в десятом классе оказались (правда, не без некоторых интриг с моей стороны) за одной партой. (Моя семья недавно переехала из другого района.) Я понимала – для того, чтобы сильнее привязать к себе Джейсона, надо больше узнать о его мире. Мне нравилась его невинность, хотя сложно представить, что это привлекло девушку моего возраста. Кажется, девчонки обычно предпочитают бывалых парней, которые побольше их видели в жизни.

Очарованию Джейсона способствовала и его работа в «Живой молодежи». Позже оказалось, что это активное участие – всего лишь иллюзия, созданная братом Джейсона, Кентом, который, будучи на два года нас старше, практически возглавлял все западно-канадское отделение «Живой молодежи». Он чуть ли не силком затащил Джейсона в организацию, где тот всегда оставался в тени брата. Кент походил на Джейсона, только без задоринки. Поговори с ним – и никогда не подумаешь, что мир полон чудес и приключений. Послушай его – и взрослая жизнь покажется пресной, как сухарь. Вечно Кент что-то *планировал*, постоянно готовился сделать *следующий шаг*. А уж чем-чем, но планированием Джейсон точно не занимался. Я вот все думаю – не для того ли, чтобы плюнуть в лицо Кенту, устав от постоянно навязываемой общественной деятельности, Джейсон решил закрутить роман со мной?

Как бы то ни было, проповеди пастора Филдса о целомудрии могли лишь на время охладить кровь в чреслах Джейсона. Я же начала ходить на собрания «Живой молодежи» трижды в неделю, петь «Камбайю»*, приносить салаты и вставать в круг на молитву поначалу лишь для того, чтобы подцепить Джейсона за его мягкую розовую кожу.

И мне это удалось. Мы стали группой внутри группы, красивой, хоть и скучной для одноклассников парой. Каждый день Джейсон хотел от меня большего, чем просто поцелуй, и каждый день я сдерживала его пыл. Я знала: его религиозности хватит на то, чтобы беречь целомудрие.

Каково же было мое удивление, когда в погоне за Джейсоном я открыла для себя религию. Вот уж к чему я не готовилась – ничто в моем воспитании не располагало к вере. Мои родители только делали вид, что верят. Они были малодушными, совершенно не боялись Бога и просто вкушали плоды материального мира. Бог как-то пропал для них по пути. Потеряны ли родители для него? Прокляты ли? Не знаю. Раньше я отмахнулась бы от любого, кто сказал бы такое. Но вот я здесь, в темной пустоте, жду перехода в новый мир, и отчего-то мне кажется: моей семье уготована другая дорога.

В семье не знали, как быть с моей верой. Не то чтобы я была трудным ребенком, которого вдруг потянуло к религии: мои самые тяжкие преступления не выходили за рамки пустячных детских шалостей – телефонных розыгрышей и мелких краж с магазинных прилавков.

С одной стороны, родители радовались за меня, словно говоря: «Ну, по крайней мере она не спит со всей баскетбольной командой». А с другой стороны, когда я начинала рассуждать о праведности и о дороге в рай, они становились сдержанными и немного грустными. Мой младший брат Крис пару раз сходил на наши встречи, но потом решил, что спорт лучше. По правде говоря, я даже рада была остаться наедине с верой.

Боже,

Я перестану в Тебя верить, если Ты не объяснишь мне смысл этого кровопролития. Я не вижу в нем никакой логики, никакого божественного замысла.

С моей нынешней отрешенностью мне просто рассказывать о случившейся бойне. Мир удаляется от меня, воспоминания больше не ранят.

Начнем с того, что никто не кричал. Это, пожалуй, самая странная часть происшедшего. Все думали, что хлопушки гремят в преддверии Хэллоуина: у нас в школе петарды начинают взрываться еще с сентября. Когда звуки выстрелов стали громче, мы повернулись к широким входным дверям в ожидании забавной шутки кого-нибудь из младших учеников. И тут, шатаясь, к нам входит десятиклассник. (Зовут Марк, фамилию не помню.) Кто-то нервно засмеялся. А потом Марк упал, как мешок со спортивным инвентарем, и его голова стукнулась об угол скамейки. Кто-то удивленно воскликнул, и в это время в столовую вошли трое одиннадцатиклассников, одетые как охотники, в зеленую камуфляжную форму с набитыми карманами, поверх которой висели ленты с патронами. Один из них тут же пальнул по флуоресцентным лампам. Поддерживающий кабель лопнул, и весь плафон рухнул на уставленный едой стол – стол, за которым собирались члены непопулярных кружков: фотографического и шахматного. Второй парень, в берете и черных очках, разрядил ружье в двоих ребят и девчонку из девятого класса, в изумлении застывших у торгового автомата. От выстрела бетонные стены столовой, покрашенные под слоновью кость, покрылись кровавой росой. С десятков школьников кинулись к дверям, но вошедшие – всего лишь мальчишки с ружьями – повернулись и накрыли их шквалом огня: пулями, дробью, картечью, или что там еще заряжают...

Двоим удалось выскочить, и я слышала удаляющийся топот их ног. Нам же бежать было некуда, и мы забились под столы, словно попали на тренировку по гражданской обороне в далеких шестидесятых.

После одиннадцатого класса, когда я обрела веру и завоевала Джейсона, я устроилась на летнюю работу в киоске на Эмблсайдском пляже. Тем жарким сухим летом мне достались две классные напарницы – стройные нарядные девчонки, довольно зло пародировавшие покупателей. К тому же они не учились в Делбруке и не знали меня прежде – стыдно признаться, но это оказалось большим облегчением. В «Живой молодежи» волновались, что, надолго оставшись полуобнаженной под жарким солнцем в обществе чужаков, я отвернусь от религии – как будто вид ревущих детей или выживание фруктового мороженого со дна холодильника были какими-то страшными мирскими соблазнами. Лорен, Ди и другие постоянно навещали нас, и я не помню ни одного вечера, когда у машины меня бы не встречал кто-нибудь из «Молодежи» и не приглашал бы на барбекю, на прогулку или на «духовные катания» в лодках по заливу.

К концу августа Джейсон сходил с ума от любви ко мне. Он работал разведчиком для горнодобывающей компании чуть севернее на побережье и приезжал повидаться по выходным. Наши разговоры в то время сводились примерно к следующему:

– Шерил, Бог не допустил бы, чтобы мы так этого хотели, если бы не считал, что это правильно и хорошо.

– Джейсон, скажи честно, ты смог бы взглянуть в глаза пастору Филдсу, собственной матери или самому Богу и признаться в том, что прелюбодействовал с Шерил Энвей? Смог бы?

Конечно же, не смог. И единственным способом получить то, что Джейсон хотел, была женитьба. Как-то раз в спальне, положив руку мне на грудь, мой парень сказал, что можно ведь пожениться потом, после школы. Однако я, сняв его руку, твердо ответила: «Бог не дает моральных кредитов, Джейсон. Это не банк. У него нельзя занять сегодня и вернуть потом».

– Но, Шерил, мое терпение на исходе.

– Тогда проси у Бога еще. Бог не посылает человеку искушений, которые тот не может преодолеть.

Я тоже хотела Джейсона, только, как уже говорила, на своих условиях, которые – так уж случилось – совпадали с тем, что требует Бог. Уж не знаю, кто кого использовал: я ли Бога или он – меня, результат был один. В конце концов, нас судят по поступкам, а не по желаниям. Поэтому, какой мы делаем выбор.

На наших воскресных исповедях, будь то за пакетом жареной картошки в машине с подружками или на семинаре «Живой молодежи», посвященном построению Царства Божьего на земле, я ни разу не призналась, как много для меня значит Джейсон. При одной мысли о нем я пьянела, и на ум лезли всякие девичьи глупости: о пчелках, которые жить не могут без цветов; о желании раствориться в любви, как сахар в чашке горячего чая.

Тем временем наши сверстники спаривались, как хорьки. Они не знали никаких запретов. Ошибается тот, кто считает детей ангелочками. И в школе, пропитанной аурой случайного секса, будто запахом старых носков, я продолжала бороться со своими инстинктами, не переставая удивляться – почему Бог вселил в подростков такое отчаяние. Отчего в комиксах рисуют, как Арчи, Бетти и Вероника ходят на свидание в магазин, но не показывают, чем они потом занимаются в отцовском гараже Арчи, измазанные машинным маслом, слюной и спермой? А ведь одного не бывает без другого. Что это, двойной стандарт? Впрочем, хватит нравочений.

Всемиловитый Боже,

Защити детей наших, пока... Огради их от... Прости, я не могу сейчас молиться.

Господи,

Я попросту не могу поверить в то, что произошло. Почему одни события нам кажутся настоящими, а другие – нет? Ты специально так сделал? Пожалуйста, помоги мне понять – что же это все-таки было?

Итак, как я и говорила, наступила тишина.

Помню, как успела взглянуть в окно на кусочек безоблачного неба. Помню, каким бело-снежно-чистым был день.

Потом один из вошедших выстрелил в окно и перегородил выход. Я совершенно не разбираюсь в оружии и могу сказать только, что ружья у них были мощные, а во время перезарядки издавали какой-то механический звук, будто нечто расплющивали молотком.

Мы все рухнули под столы: бум-бум-бум.

«Не стреляйте в меня: я лежу, не шевелюсь. Смотрите! Смотрите, как тихо я лежу».

«Убейте кого-нибудь другого. Где-нибудь там. Меня?! Нет! Ни за что!»

Я могла бы вскочить, закричать, привлечь к себе внимание и спасти сотню жизней. Или вместе с соседками поднять наш стол и, прикрываясь им, броситься на убийц. Однако я съе-

жила, как испуганная овечка, и это единственный подлый поступок за всю мою жизнь. Моим грехом была трусость, и, выглядывая из-под стола, я наблюдала, как три пары светло-коричневых ботинок топают по полу столовой, играя с нами, словно с какими-то бактериями под микроскопом.

Я узнала всех троих: работа над школьным альбомом не прошла даром. Одного звали Митчелл ван Вотерс. Только недавно я видела его около стоянки в компании с двумя одноклассниками, которые сейчас тоже расхаживали по столовой с ружьями наперевес.

Джереми Кириакис и Дункан Бойль.

Митчелл, Джереми и Дункан шагали от стола к столу. Снять с них камуфляжную форму – и получатся парнишки из тех, что косят газоны или играют в баскетбол на соседнем дворе. Ничего в их внешности не обратило бы на себя внимания. Разве что Митчелл был худощав, а у Дункана из-под волос выглядывало бордовое родимое пятно. (Я знала об этом, так как видела их фотографии, раскладывая и наклеивая на страницы школьного альбома.)

Шагая между столами, они переговаривались между собой, но мало что удавалось разобрать. Под какие-то столы убийцы стреляли, на другие не обращали внимания. Услышав, что они приближаются, Лорен притворилась мертвой: замерла и широко раскрыла глаза – и я бы ударила ее, если бы еще сильнее не злилась на собственную трусость. В нас постоянно вдальблывали, что боятся только те, кто полностью не доверяет Богу. Тот, кто это придумал, никогда не лежал под обеденным столом, чувствуя, как ползет по ноге теплая струйка чьей-то крови.

В наших сердцах живет противоречие. Для Бога не существует человеческой уникальности: перед ним все равны. Сами же мы замечаем друг в друге несметное множество особенностей. *«Я слагаю стихи о лошадях; ты мастеришь вешалки в форме совы; у него стрижка, как у того парня с экрана; она знает столицу каждой страны».* Для меня, испытывавшей обычную людскую гордыню, Джейсон был неповторим. Начнем с того, что он мог говорить разными голосами – подражать другим и выдумывать новые. А стоило мне встретиться с теми, кто мог кого-то изображать, как, например, с девочками из летнего магазина, – и я тут же раскисала. Чужие голоса играли для Джейсона роль куклы чревоушателя: с их помощью он говорил то, что иначе сказать стыдился. Для борьбы со скукой – скажем, во время обедов с моей семьей или праздничных вечеров, устраиваемых женой пастора Филдса, когда раздавали именные таблички и играли в жмурки, – у Джейсона был припасен кошачий персонаж по имени мистер Не-а, хозяин портативного черно-белого телевизора, по которому показывали рейтинг популярных телепередач. Мистер Не-а ненавидел всех и вся, выражая свое постоянное недовольство тихим, едва различимым мяуканьем. Это надо было слышать! С мистером Не-а тягостные часы пролетали незаметно.

Еще Джейсон умел шевелить ушами и выгибать пальцы в любую сторону, иногда до того страшно, что я с визгом умоляла его прекратить. А на мой семнадцатый день рождения он подарил мне семнадцать роз – кто, скажите, еще на такое способен?

Джейсон поразил меня, когда одним дождливым августовским днем в отцовском «бьюике», припаркованном в Уайт-Спот, за чизбургером с апельсиновым коктейлем сделал мне предложение. Поразил, во-первых, потому, что сделал, а во-вторых, потому, что разработал дерзкий тайный план, от которого мог бы отказаться только самый черствый сухарь. В целом план был таков. На деньги, заработанные им летом, мы должны улететь в Лас-Вегас. И Джейсон тут же извлек из кармана поддельные документы, бутылку шампанского и тонюсенькое золотое колечко, едва удерживающее собственную форму.

Он сказал:

– Это кольцо будет нимбом сиять на твоём пальце. Отныне от нас будут падать не две тени, а одна.

– Фальшивые документы? – удивилась я.

– Я не знаю, с какого возраста там можно вступать в брак, – признался Джейсон. – Это для страховки.

Фальшивки выглядели убедительно. В них было все по-настоящему: наши имена и адреса. Стояли только другие даты рождения. И как оказалось, брачный возраст в Вегасе начинался с восемнадцати лет. Поэтому фальшивые документы нам понадобились.

Джейсон спросил, согласна ли я сбежать с ним.

– Обойдемся без венчания в церкви и всего такого?

– Джейсон, свадьба есть свадьба. И если бы для нее достаточно было повернуть ключ зажигания в машине, я бы вышла за тебя прямо сейчас.

О чем я промолчала, так это о сексе. Сексе без страха и чувства вины. Я лишь боялась, что Джейсон не выдержит и проболтается товарищам. Или пастору Филдсу. Я предупредила: если узнаю об этом, свадьбе не бывать. И заставила Джейсона поклясться своей бессмертной душой, что он сохранит нашу тайну. Незадолго до этого я прочла одну религиозную книжку – предназначенную в основном для мужчин – и загибала уголки на тех страницах, где откровенно призывали никому не доверять. Предателями, говорилось в ней, в конечном итоге оказываются лучшие друзья. Всякий, мол, изливает кому-то свою душу. А может статься, что этот «кто-то» на деле вовсе не тот, кем кажется. Люди ненадежны. Что за параноик написал эти бредни? Ну, не важно – тогда они пришлись очень кстати.

В общем, суть в том, что мы собрались пожениться в последних числах августа. Я уладила дела дома и объявила домашним, что отправляюсь участвовать в духовном семинаре на побережье. Лорен и остальным из «Молодежи» сказала, будто еду с семьей в Сиэтл. Так же поступил и Джейсон. Все было готово.

Господи,

Я пытаюсь выкинуть убийства из головы, но не знаю, смогу ли. Стоит забыть о них на минуту, как мысли возвращаются обратно. В поисках утешения я смотрю на белок, ищущих пищу на зиму в нашем саду, и в голове крутится мысль: их жизнь так коротка, что и во сне они, должно быть, переживают случившееся наяву. Значит, для белки нет разницы между сном и явью. Что, если то же происходит и с человеком, не успевшим долго пожить? Тогда сон младенца будет продолжением бодрствования, и сон подростка в какой-то степени тоже... Почему-то от этой мысли становится легче...

Послушай, Боже,

Пусть у меня на машине не наклеены рыбки, птички или чего там еще любят эти зазнайки, мнящие себя святыми. Только ведь за рыбку к Тебе не полагается выделенная линия. Так что, думаю, Ты слышишь меня не хуже, чем других. Я, собственно, чего хочу Тебя просить: Ты сам собираешься жарить в аду этих грязных мерзавцев, которые устроили бойню, или стихнешь работу дьяволу? А то, если я могу чем-то помочь, только дай знак – и я готова.

Сейчас кажется странным, что мы с Джейсоном решили держать нашу свадьбу в тайне. Не из стыда или из страха – нам исполнилось восемнадцать (ну, почти восемнадцать), и закон стоял на нашей стороне. Поэтому в глазах государства и Бога мы могли хоть весь день напролет предаваться плотским усладам, лишь бы по ходу дела не забывали платить налоги и рожать детей. Иногда все в жизни кажется таким простым.

Нет, мне хотелось сохранить нашу свадьбу только для нас, как роскошный отель всего лишь для двух постояльцев. Если бы мы вначале обручились, а потом ждали окончания школы для свадьбы, она была бы другой. Нашей, конечно, и все же не совсем нашей. Были бы подарки, наставления о семейной жизни, непрощенные гости... Зачем это все? К тому же я совершенно не представляла, что буду делать после школы. Мои подружки мечтали отправиться на Гавайи или в Калифорнию, разъезжать на спортивных автомобилях и, если я правильно толковала

их ответы в вопросниках для школьного альбома, поочередно вступать в тесные отношения с ребятами из «Живой молодежи», далеко не обязательно оканчивавшиеся браком. Для меня же счастье заключалось в собственном домике, где бегают пара ребятешек и откуда за тарелкой обеденного бульона в три часа дня можно видеть, как от острова Ванкувер по небу плывут облака.

Я считала, что Джейсон всегда сможет прокормить семью, пока я буду вести домашнее хозяйство – довольно редкое желание среди девочек моего круга. Один раз Джейсон спросил, где я собираюсь работать, и, узнав, что нигде, заметно обрадовался. В его донельзя религиозной семье презирали работающих девушек. Поэтому если бы я куда-нибудь и устроилась, то только затем, чтобы досадить его родителям. Особенно – папаше. Этот злой, чуждый благотворительности сухошавый хрыч прикрывал религией свой гнусный характер. Скарედность называлась у него «бережливостью», а глухость к окружающему миру и новым веяниям – «верностью традиции».

Мать Джейсона была не вполне трезва те несколько раз, когда мы с ней виделись. Должно быть, она сожалела о том, чем обернулась ее жизнь. Не мне ее судить. Только как этой паре удалось родить такую прелесть, как Джейсон, навсегда останется для меня неразрешимой загадкой.

Детальный рассказ о событиях в столовой помогает мне осознать, сколь далеко я теперь от земного мира, как быстро он уносится прочь. Поэтому я продолжу.

Едва отгремели первые выстрелы, завывла пожарная сирена. Митчелл ван Вотерс подошел к дверям, выругался и выстрелом снес трещащий в коридоре звонок. Чтобы разделаться со звонком в столовой, Джереми Кириакису понадобилось три выстрела, после чего наступившую тишину нарушал только град сыплющейся с потолка штукатурки. Из школьных недр продолжался звон, который теперь не утихнет до вечера: полицейские долго не будут отключать сигнализацию, боясь, что взорвутся самодельные бомбы, распиханные по школе, – бомбы из смеси бензина с чистящим порошком. Минуточку, откуда я помню этот рецепт? Ах да, конечно, вклад Митчелла ван Вотерса в школьную ярмарку. «Самый громкий взрыв за доллар». Это еще вошло в школьный альбом.

Но вернемся в столовую.

Вернемся ко мне и к трем сотням забившихся под столы учеников, мертвых или делающих вид, что умерли. К шести ботинкам, стучащим по белому полированному линолеуму. К сиренам приближающихся полицейских машин и карет «скорой помощи» – слишком тихим, слишком далеким.

«Триста человек, – прикидывала я. – Триста человек разделить на троих палачей... Так, будет сто человек на каждого. Долго же им придется расстреливать нас всех». Мои шансы остаться в живых казались теперь выше, чем вначале. Плохо было лишь то, что мы лежали в невыгодном месте, в центре столовой, в самой середине, которая в первую очередь бросалась в глаза. (В любой другой день этот центральный стол был бы предметом вожделения и зависти других школьников.) А вообще – завидовал ли кто-нибудь «Живой молодежи»? Наверное, нас считали ограниченными и замкнутыми, и, пожалуй, многие из «Молодежи» такими и были. Но только не я! Когда я шла по школьным коридорам, то обычно улыбалась спокойной, сдержанной улыбкой – не для того, чтобы завоевать друзей или не нажить врагов. А просто потому, что так проще и можно ни с кем не общаться. Вежливая улыбка – как зеленый сигнал светофора на перекрестке: радуешься, когда он горит, но тут же забываешь о нем, пройдя мимо.

Боже,

Если Ты устроил бойню только для того, чтобы поселить в наших душах сомнение, то не пора ли задуматься о других способах доносить до нас свои желания? Резня в школе? Где

дети ели пряные сэндвичи и запивали их апельсиновым «Крашем»? Как-то не верится, что Ты допустил бы такое. Бойня в школьной столовой означает только одно – Тебя нет. Каким-то образом, только по Тебе понятной причине, Ты решил покинуть столовую. Бросить детей.

Шерил, красивая девочка, последняя жертва убийц. Она ведь так и написала в своей тетради: «Бог нигде». Что, если она права?

Господи,

Мои молитвы иссякли, поэтому остается только разговор начистоту. Трудно поверить, что люди вокруг так же остро и горько переживают случившееся. Во что превратится мир, если со всеми творится то же, что и со мной. Кем же мы будем – зверьми в зоопарке? Даже подумать страшно!

Я сейчас стараюсь все время находиться в одиночестве. Не могу ни есть, ни спать. Школа пока закрыта. По телику лажа. Попробовал травку – не покатило. Как будто наркотик наоборот. От наркотиков ведь переть должно, а я ходил как в тумане, и меня мутило.

А тут в магазине я вдруг начал колотить себя по голове, надеясь выбить оттуда мучительные мысли. И, знаешь, все вокруг смотрели так понимающе; никто не показывал пальцем и не кричал, что я сумасшедший.

Вот что со мной происходит. Не знаю, можно ли назвать мои слова молитвой. Сам не пойму, что это было.

Пока что я мало говорила о себе и своей жизни. Однако из рассказа уже должно стать понятно – меня зовут Шерил Энвей. По всем газетам прошла моя фотография из последнего школьного альбома. С фотографии на вас смотрит обычная девчонка из соседнего двора: русые волосы, уложенные в прическу, над которой посмеются будущие поколения, худое лицо и – подумать только! – никаких прыщей. На фото я выгляжу старше семнадцати. На моих губах – улыбка, с которой я проходила по коридорам, не желая ни с кем разговаривать.

Подписи к фотографии однообразно сообщали, что «Шерил Энвей была прилежной ученицей, добрым товарищем, примерной дочерью». Вот, собственно, и все. Бездарная трата семнадцати лет жизни. Или это моя эгоистичная натура примеряет мирские ценности к вечной душе? Так и есть. Кто из нас достиг чего-нибудь к семнадцати? Жанна д'Арк? Анна Франк*? Ну, может, еще какие-нибудь певицы и актрисы. Очень хотелось бы узнать у Бога, почему выдающимися не становятся лет до двадцати? К чему столько ждать? Отчего не рождаться уже десятилетними, на следующий год не становиться двадцатилетними, и дело с концом? Что стоит родиться, сразу вскочить и побежать, как собака?

Кстати о собаках. У нас с Крисом был кокер-спаниель по кличке Стерлинг. Мы обожали Стерлинга, а Стерлинг обожал жвачку. На прогулках он только и делал, что выискивал жвачки на тротуарах. Это было очень утомительно. Вот только однажды, когда я училась в девятом классе, то, что он съел, оказалось не жвачкой, и через два часа Стерлинга не стало. Мы похоронили его в саду под кустом гамамелиса, и я поставила крест над могилой. После моего обращения в веру мать сняла крест. Позже я нашла его в сарае, между мешком с удобрениями и кучей черных пластиковых цветочных горшков, но так и не набралась смелости, чтобы попросить у матери объяснений.

Я не очень грущу по Стерлингу, ведь он сейчас в раю. В отличие от человека животные никогда не покидали Бога. Везет им!

Мой отец работает в ипотечном отделении Канадского государственного фонда, а мать – лаборант в больнице. Оба любят свою работу. Крис – обычный младший брат. (Правда, не такой наглый и надоедливый, как младшие братья у моих подруг.)

На Рождество мы подарили друг другу глупые свитера и потом, как бы в шутку, носили их. Так что «семья в некрасивых свитерах», из тех, что часто встречаются вам в магазинах.

Мы вполне уживались вместе, по крайней мере до недавнего времени. Мы негласно решили не придирааться друг к другу и не приставать со своими проблемами. Однако не знаю. По-моему, эта отчужденность пошла нам во вред.

Милосердный Боже,

Я молюсь за души трех убийц, но не знаю, правильно ли это.

Мне всегда казалось, что, придя к вере, человек не только приобретает, но и теряет. Внешне он становится спокойным и уверенным; в его жизни появляется смысл. Пропадает, однако, интерес к необращенным. Глядя уверовавшему в глаза, кажется, будто перед тобой лошадь. Вроде человек жив, вроде дышит. А душой он больше не здесь. Он оставляет в мыслях наш бранный мир и уносится в царство вечной жизни. Произнеси я такое вслух, пастор Филдс, Ди или Лорен тут же набросились бы на меня. «Шерил, ты даже не представляешь, как только что согрешила! – воскликнула бы Ди. – Немедленно покайся».

Бывает какое-то лукавство, низость в жизни спасенных, нетерпимость, которая искажает их взгляд на слабых и заблудших. Они затыкают уши, когда надо слушать, осуждают, когда следует сострадать.

Редж, отец Джейсона, постоянно твердил: «Люби то, что любит Бог, и противься тому, что противно Богу». На практике же это означало: «Люби то же, что и Редж; ненавидь тех же, кого и Редж». Не думаю, что Реджу удалось привить свои жизненные принципы Джейсону: мой друг слишком скромен и добр для такого корыстного девиза. А мне мать всегда говорила: «Молодость быстро проходит, Шерил, поверь. Правила игры меняются. И первым уходит то, что раньше казалось незыблемым».

Выйти замуж в Неваде в 1988 году было просто. Прямо перед началом учебного года, в пятницу днем, мы с Джейсоном доехали на такси до аэропорта и взглянули на список отправляющихся рейсов. Самолет до Лас-Вегаса улетал через полтора часа. Поэтому мы быстро купили билеты за наличные, прошли через таможню, добрались до нужного выхода и сели в самолет. Никто даже не поинтересовался нашими документами. Неся с собой только спортивные сумки, мы чувствовали себя бандитами. Я впервые летела, и все вокруг казалось новым и загадочным: рассказ о правилах безопасности в полете; взлет, когда все внутри меня покатило вниз; еда, которая своей безвкусышностью подтверждала телевизионные шутки; завеса сигаретного дыма – видно, Лас-Вегас особенно привлекал курильщиков. Правда, дым тогда казался мне нежнейшими благовониями, и я мечтала, чтобы вся моя жизнь была так же полна новыми впечатлениями, как и этот полет. Вот это была бы жизнь!

Скромно одетые – Джейсон в рубашке с галстуком, я в платье эдакой примерной школьницы, – мы, наверное, смотрелись совсем детьми. Стюардесса спросила, зачем мы летим в Лас-Вегас, и мы ответили честно и прямо. Через десять минут капитан объявил о нас на весь салон и назвал номера наших мест. Пассажиры заплотировали, а я густо покраснела. Только после этого мы все внезапно почувствовали себя членами одной большой семьи. На выходе из самолета мужчины хлопали Джейсона по спине, заливаясь басистым смехом, а одна женщина шепнула мне на ухо: «Учти, дорогая, всегда давай ему все, что он захочет. Даже после малейшего намека. Не важно: пеленаешь ли ты в этот момент ребенка или занимаешься по хозяйству. Как что захочет – сразу давай, и никаких разговоров. Иначе потеряешь его».

Снаружи температура поднималась до сорока градусов, и мы с Джейсоном впервые окунулись в настоящую жару. Горячий воздух обжигал легкие. Пока мы ехали на такси в «Сизерспэлс»*, я смотрела из окна на пустыню – самую настоящую пустыню – и перебирала в голове библейские истории, происходившие на таких вот испепеленных просторах. Я бы пяти минут не продержалась на этом пекле. Поэтому и пыталась понять, как это библейские авторы про-

жили в таких условиях всю жизнь. Должно быть, раньше погода была другая. Или деревьев больше. Или рек. Боже правый, как тяжело жить в пустыне! На пути к «Стрипу»** я попросила водителя остановиться на минутку у пустовавшего участка. За бетонной оградой виднелись сдаваемые внаем здания, а на земле валялись мусор и змеиная чешуя. Я вышла из машины, и жаркий воздух будто подхватил меня и понес над острыми камнями и колючками. Вместо новизны от Лас-Вегаса веяло тысячелетней древностью. Джейсон вышел следом за мной, мы встали на колени и начали молиться. Время шло, голова кружилась. Потом водитель начал сигналить, мы вернулись в машину и направились в «Сизерс-пэлас».

Когда Ди уронила банку из-под яблочного сока – *клац*, – я поняла, что мы больше не жильцы. Мальчишки где-то в другом конце столовой выкрикивали бессвязные обрывки бессмысленных лозунгов, и тут – *клац*. С животным ужасом мы наблюдали, как головы убийц повернулись и глаза – точь-в-точь как у крокодилов в документальных фильмах о природе, – найдя источник звука, сфокусировались на нас. Ди взвизгнула.

– Так-так-так, – протянул Дункан Бойль, – неужели монашки из «Живой молодежи» снизошли к нам, грешным, в чистилище, в школу сорок четвертого округа?

Что-то в его интонации подсказало мне – при желании парень мог бы стать неплохим певцом. Я всегда чувствовала, может человек петь или нет.

В этот миг почему-то включилась противопожарная система и с потолка полилась вода. Мальчишки отвлеклись и перевели взгляд на потолок. Вода струями падала на столы, заливая пакеты с едой и стаканы с молоком; она шумела над нами, словно проливной дождь. Потом вода начала капать мне на руки и на ноги. От холода меня бросило в дрожь. Лорен тоже дрожала, и я прижала ее к себе, чувствуя, как стучат ее зубы. Раздались новые выстрелы – наверное, в нашу сторону – правда, в итоге Митчелл ван Вотерс разнес какую-то трубу сверху, и на нас обрушился настоящий водопад.

Снаружи послышался шум, и Дункан закричал: «Окна!» Они с Митчеллом начали стрелять по окнам. Потом Дункан спросил:

– Там чего, коп, что ли, бегают?

– А ты думал кто? – рявкнул Митчелл, разъяренный как лев. – Перезаряжай!

Вновь раздались механические звуки, и Митчелл выстрелил в оставшееся окно. Школа, как жемчужина, лежала в раковине из полицейских и снайперов. Время у палачей истекало.

Боже,

Если мы и так не рождаемся с верой, то почему же Ты делаешь, чтобы верить становилось все труднее и труднее? Неужели мы здесь, в скучном северном Ванкувере, так заплесневели, что без встряски нельзя было обойтись? Вокруг тысячи подобных мест. Почему же подобное должно было случиться здесь? И почему сейчас? Из-за этого в Тебя верить не только трудно, но и бесполезно. Разумно ли это?

Знаешь, Бог, я все пытаюсь представить себе, что пришлось пережить ребятам под столами, и от этого злюсь на Тебя все больше и больше. Поэтому учти...

Господи,

Во мне уже не осталось места молитвам. Я стою и стучусь в Твою дверь. Но, думаю, теперь уж в последний раз.

Господь Всевышний,

Я никогда не молился прежде, таким уж вырос, и вот я впервые стою и молюсь. Может, в этом действительно что-то есть, а может, я просто теряю время. Вот Ты мне и скажи. Пошли какой-нибудь знак. Сейчас Ты, наверное, только и слышишь: «Докажи, докажи,

докажи». Потому что, в моем понимании, школьная бойня не в большей степени означает, что Тебя нет, чем то, что Ты есть. Конечно, если бы я захотел привлечь сторонников, то вряд ли бы устроил массовое убийство. Но ведь именно из-за него я стою сейчас и молюсь, не так ли?

Да, и просто к твоему сведению, сейчас, за молитвой, я в первый раз пробую спиртное: абрикосовый ликер, который я только что отлил из отцовской бутылки. На вкус как пенициллин. Однако мне нравится.

Я никому прежде не рассказывала о том, как во мне поселилась вера. Это произошло в одиннадцатом классе. Одним осенним утром, сидя во дворе между двумя кустами черники, которые чудом сохранились в городе, я зажмурилась, повернулась к солнцу, и вдруг – *щелк!* – по векам разлилось тепло, а в нос ударил запах сухих еловых и кедровых веток. Ангелы с трубами не появились, да я их и не ждала. В это мгновение я почувствовала себя особенной. (Хотя, конечно, ничто так не лишает индивидуальности, как вера. Она нас всех... *обобщает.*)

А с другой-то стороны, насколько вообще уникальным может быть человек? Ну да, собственное имя, особые предки, образование, работа, болезни. Семья да друзья. И все. Так по крайней мере со мной. Что было в моей жизни? Школа, спорт, парочка летних работенок и членство в «Живой молодежи». Единственным исключительным событием оказалась смерть. Я роюсь в воспоминаниях, пытаюсь найти хоть что-нибудь, отличающее меня от других, и не могу. Только все равно! Все равно это была я! Никто не видел мир таким, как я, не чувствовал так же, как я! Я была Шерил Энвей, и уже одно это должно чего-то стоить.

Даже после того, как я уверовала в Бога, меня продолжали терзать вопросы и сомнения. Почему, например, единственная цель верующего человека – попасть в рай, думала я, ведь это так эгоистично. Девчонки из нашей обеденной группы говорили про рай с такой же беспечностью, как про краски для волос. Вести святую жизнь в салоне темно-красного «фольксвагена» казалось мне невозможным. Джейсон как-то пошутил, что если внимательно читать «Откровение», то можно найти стих, где сказано: Ди Карсвелл, считающая калории в пакетике итальянского майонеза, – знак приближающегося конца света. И, несмотря на внешнюю религиозность, мы в любой момент могли впасть в тяжкий грех, обречь себя на вечную тьму. Поэтому, наверное, я всех и сторонилась: зная, как близки мы к пропасти, я просто не могла никому доверять.

Хотя нет, неправда, я доверяла Джейсону.

Когда в душу закрадывались сомнения, я пыталась искупить их, проповедуя всем подряд – чаще всего своим близким. А те, стоило им даже отдаленно почувствовать, что речь пойдет о религии, либо вежливо кивали, либо сразу старались смыться. Уж не знаю, о чем они говорили за моей спиной. Сейчас мне кажется, что сомнения стоит оставлять при себе. Произнесенные вслух, они обесцениваются, превращаясь всего лишь в набор слов, ничем не отличающийся от любого другого.

Думаю, что только войдя в прохладный холл «Сизерс-пэлас» в тот день обжигающих ветров и палящего солнца, я сполна поняла значение слова «пошлость». В казино клубился синеватый сигаретный дым, воняло американским табаком и выпивкой. Густо накрашенная женщина с огромным бюстом, выряженная под центуриона, спросила, хотим ли мы что-нибудь выпить. И вот ведь странно: мы, даже не думая, заказали два джина с тоником – что это на нас тогда нашло? В мгновение ока появились заказы, но мы, оглушенные, стояли и смотрели на самых отчаянных игроков (а кто еще в августе приедет в самое сердца пустыни?), проходивших мимо под аккомпанемент гремящих и звенящих игровых автоматов. Я никогда прежде не видела столько душ на грани ужасного греха. (Лицемерка! Все мы балансируем на грани греха!)

Мы поднялись в номер – старую убогую комнатенку. Почему в таком шикарном месте держат столь убогие номера, выше моего понимания, однако Джейсон сказал – так специально устроено, чтобы посетители не засиживались, а поскорее спускались в казино.

Когда дверь закрылась, возникло странное ощущение. До этого наша поездка казалась не более чем экскурсией. Мы сели на край кровати. Джейсон спросил, хочу ли я все еще выйти за него, и я сказала, что да, хочу. И пока он переодевался в ванной, я через щель между стеной и дверью мельком увидела его голое тело.

Сидя на кровати, мы поняли – даже при включенном кондиционере наша одежда слишком тяжела для этого климата. Джейсон снял галстук, я вылезла из своего длинного, наглухо застегнутого платья (фасончик «не искуси») и надела блузку с юбкой – единственное, что взяла с собой. В таких костюмах люди обычно ходят на работу.

Раньше, чем мне бы хотелось, мы вышли из номера и предстали перед миром, будто направлялись в креветочный буфет («ешь, сколько хочешь, за 2 доллара 99 центов») или собирались забыться перед дешевыми игровыми автоматами в окружении пенсионеров. Спускаясь в лифте, мы быстро поцеловались, а потом опять пробрались через коридор, утопая в шуме и пошлости.

Снаружи солнце уже клонилось к закату. Нас подобрала насквозь прокуренная машина, прямо-таки пепельница на колесах. За рулем сидел толстяк, говоривший с акцентом Восточного побережья и ровно с одним волоском на лысом лбу, – ну вылитый Чарли Браун!* Когда мы попросили отвезти нас в часовню, он аж хлопнул руками по рулю. Водила назвался Эваном и охотно согласился стать нашим свидетелем. Только тогда, впервые за день, я не просто почувствовала, что собираюсь выйти замуж. Я ощутила себя *невестой*.

Среди крохотных часовен мы пытались найти такую, где никогда не венчались бы «звезды». Можно подумать, они своей звездной атмосферой могли лишить святости лас-вегасскую свадьбу. О чем мы думали, ума не приложу. В конце концов Эван выбрал часовню за нас, прельщенный, вероятно, шампанским и блюдом с закусками, входившим в цену службы.

Дальше последовали формальности. Наши липовые документы ни у кого не вызвали подозрений. Светившее через цветные стекла солнце казалось сочным апельсином, лежащим на горизонте. А потом смуглый дядька в искусственных белых шелках провозгласил нас мужем и женой. Таким же тоном он мог бы предлагать нам и туристическую поездку куда-нибудь в тропики.

– Ну вот и обошлись без пары сотен родственников, – прокомментировал Джейсон у выхода из часовни.

У меня голова шла кругом.

– Гражданский брак, Джейсон. Что скажет твой отец?

Оставив Эвана наедине с закусками, мы вышли наружу, на раскаленный воздух, отравленный выхлопными газами, на дорогу, поросшую львиным зевом и усыпанную мусором. Только мы вдвоем, лилипуты на фоне казино, с мыслями о будущем, о зажигающихся в небе огнях (что это – звезды или фонари?) и о сексе.

Я надеялась, что стрельба по окнам и по разбрызгивателям на потолке надолго отвлечет внимание мальчишек. Но не тут-то было. Вместо этого они начали ссориться между собой. Митчелл яростно кричал, что Джереми тратит патроны впустую, вместо того чтобы «мочить этих жирных свиней, которые тебя за человека не считают, если ты не в их команде». Для подтверждения своих слов Митчелл выстрелил в другой конец столовой, в группку из сжавшихся учеников (похоже, из младшей спортивной группы, хотя я не вполне уверена: столы и стулья закрывали обзор). Я также не могу сказать, стрелял ли он в одну точку или из стороны в сторону. Помню только, как из комка переплетенных тел потекла кровь и, смешавшись с падающей сверху водой, заструилась по неровному линолеуму, за край торговых автоматов, которые

с электрическим треском вдруг погасли. Раздались крики, потом стоны, и вновь наступила тишина.

– Мы знаем, что большинство из вас даже не поцарапаны, не держите нас за дураков, – крикнул Митчелл. – Дункан, может, проверим, кто там притворяется?

– Не знаю даже. А может, этому мягкозадому Джереми что-нибудь сделать?

Оба парня повернулись к Джереми, самому молчаливому из троицы убийц.

– Ну, ты чего? – спросил его Митчелл. – Решил податься к спортсменам? Смотри, станешь кумиром для наших монашек. Убийца с золотым сердцем.

– Молчал бы лучше, Митч, – ответил Джереми. – Думаешь, не вижу, что твои выстрелы бьют мимо цели? Ты и в окна палишь, потому что по ним нельзя промазать.

– Знаешь, что я думаю? – Голос Митчелла дрожал от гнева. – Я думаю, ты собрался на попятную. Так вот, теперь для этого уже слишком поздно.

– А если я и правда не хочу убивать?

– Смотри сюда! – крикнул Митчелл и выстрелил в дальний конец столовой, в мальчика по имени Клей. (Его шкафчик в раздевалке был на четыре дверцы левее моего.) – Вот, понял. Убивать – это кайф. Бросишь сейчас – будешь следующим.

– Все, с меня хватит!

– Не-ет, Джереми, уже поздно. Что скажешь, Дункан, какой у него счет?

– Четыре точных попадания, – прикинул Дункан, – и еще пять возможных.

– Ха! – Митч обернулся к Джереми. – И думаешь, после этого тебя пощадят?

– Довольно!

– Что это? – деланно удивился Митчелл. – Гитлер забрался в свой бункер?

– Называй как хочешь. – Джереми бросил ружье.

– Время умирать! – взревел Митчелл.

Это бесподобно – наконец-то стать мужем и женой. Все просьбы, отсрочки и неудовлетворенные желания того стоили. И не подумайте, что с вами говорит диктор из нравоучительного кино – нет, это мои слова. Я была собой. Мы – неделимым целым. Все было взаправду, все наполнено жизнью, и мое самое сокровенное воспоминание – ночь в номере на шестнадцатом этаже «Сизерс-пэлас» – только для нас двоих.

Той ночью мы и двух слов не сказали друг другу. Влажная, по-оленьи мягкая кожа Джейсона говорила лучше всяких слов. В шесть утра мы взяли такси в аэропорт. И в самолете тоже молчали. Только я чувствовала себя замужней. Удивительно приятное чувство. И поэтому я хранила молчание: пыталась разгадать природу этого нового чувства, понять, что стоит за ним: секс, да, несомненно, но также нечто еще.

Конечно, девчонки из нашей обеденной группы, а вскоре и вся «Живая молодежь», почувствовали – с нами что-то не так. Они нас больше не интересовали, и это было заметно. Однообразные исповеди за обеденной картошкой выглядели так скучно, хоть уши затыкай; спортивные аллюзии и призывы пастора Филдса к целомудрию стали так же нелепы для Джейсона. Мы знали, что у нас есть и чего мы хотим. И понимали, что хотим этого все больше и больше. А потом, мы еще не решили, как рассказать про брак нашим близким. Джейсон предлагал устроить званый обед в дорогом ресторане и там, между горячим и десертом, огласить нашу новость. Но я наотрез отказалась. Я не хотела, чтобы к нашей свадьбе отнеслись как к дешевой певичке, которая выскакивает из праздничного торта. Уж не знаю, думал ли Джейсон, что именно так поступают взрослые люди, или он просто хотел поразить всех, будто злой гений из детектива. Была у него склонность к показухе: в нашем гостиничном номере Джейсон не хотел ночью задергивать шторы, а потом в джинсовом магазине пытался протащить меня с собой в примерочную. Нет уж!

Так что мы действительно спорили по телефону перед тем, как я узнала о своей беременности. Джейсон обвинял меня в том, что я слишком тяну с оглашением нашей свадьбы, а я злилась на его... не знаю... *пизонство*, что ли.

Вот, пожалуй, и все, до чего я успела дожить. Я и мой ребенок. Вряд ли я чего-то упустила в рассказе, да и вряд ли стоит чего-то еще объяснять. Бог дал – Бог и взял. Меня никто не заменит. Да только без меня можно и обойтись. Мой час пробил.

Господи,

Во мне столько ненависти, что становится страшно. Есть ли слово для тех, кто желает еще и еще раз убить уже умерших? А мое сердце наполнено этим желанием. Помню, в прошлом году в саду мы с отцом подняли с травы кусок фанеры, которая провалялась там всю зиму. Под ней, пожирая друг дружку, кишели тысячи червей, многоножек, жуков и даже змея. То же самое творится сейчас в моем сердце, и насекомые ненависти час от часу становятся все чернее и чернее. Я хочу собственными руками задушить убийц и просто не верю, что это будет грехом.

Боже,

Сын рассказывал мне про кровь и воду, расплывающиеся по полу, покрывая его, словно краской. Про следы в крови от обуви тех, кто выбежал из столовой. И про тех, кто выползал или кого оттаскивали друзья. Есть что-то еще, о чем он молчит, и только священник об этом знает. Только, Боже, что может быть ужаснее? Прости меня, Боже, это не молитва...

Интересно, считали ли подружки, что Бог для меня – лишь предлог для встреч с Джейсоном, что я путаю религию и любовь? Может, и любви-то никакой между нами не было; может, то было всего лишь мимолетное увлечение, животная страсть, овладевающая каждым подростком?

Нет, послушай меня, практичная Шерил, раскладывающая все по полочкам даже после смерти. Я же еще при жизни ответила на этот вопрос. Я любила Джейсона. А к Богу испытывала что-то совсем другое. И вовсе я их не путала.

Митчелл целился в меня, а за окном были сирены, рокотали вертолеты, в школьных коридорах трещали звонки, с потолка из пробитой трубы хлестала вода. К тому же Дункан подначивал Митча застрелить Джереми, и у меня возродилась надежда: кажется, я смогу выжить.

А потом Джереми сказал:

– Ну давай, Митчелл, пристрели меня. Мне уже все равно.

В голове у Митчелла что-то замкнуло: такого поворота событий он не ожидал. Убийца повернулся чуть влево, смерил нас взглядом, а потом поднял ружье и выстрелил мне в бок. Он и вправду плохо стрелял: при выстреле с пяти шагов смерть должна была бы наступить мгновенно. А мне было совсем не больно, честное слово, и я оставалась живой. Лорен – храни Господь ее душу – рванулась в сторону, оставив меня лежать на тетрадке, которую смыло водой со стола. Теперь я лучше видела все происходящее.

– Ну, красавчик, – обратился к Джереми Митчелл, – одной девкой для тебя будет меньше.

А Джереми простонал:

– Боже мой! Я каюсь во всех своих грехах. Прости меня за то, что я совершил.

– Что? – в один голос взвизгнули Митчелл и Дункан и, направив на Джереми ружья, открыли огонь, которого бы хватило, чтобы убить парня несколько раз. А потом от дверей столовой раздался голос Джейсона. Он прокричал что-то вроде:

– А ну, бросай оружие! Сейчас же!

– Да ты рехнулся, – удивился Митчелл.

– Ничуть!

Митчелл выстрелил в Джейсона и промахнулся. А затем я увидела, как что-то серое, похожее на кусок глины с наших уроков лепки, пролетело через столовую и врезалось Митчеллу в висок с такой силой, что его голова прогнулась.

Тут мальчики из фотокружка подняли свой стол и, прикрываясь им будто щитом, помчались на Дункана Бойля. На столе все еще оставались бумажные пакеты и стаканы, приклеенные к нему кровью. Мальчики врезались в Дункана и припечатали его к стенке. Я видела, как ружье выпало из рук убийцы, как он упал и на него кинули стол, а потом вскочили сверху и, громко крича, начали прыгать вверх и вниз на столешнице, словно давили виноград. К ним присоединились другие ребята, и стол превратился в плаху, а дети, мальчики и девочки, которые только пятнадцать минут назад мирно ели бутерброды с арахисовым маслом и апельсины, – в кровожадных дикарей. Из-под стола показалась кровь Дункана.

Лорен крикнула, что мы здесь, и Джейсон тут же подбежал к нам, отбросив стол, как ураган, срывающий крыши старых домов. Он что-то говорил мне, но я уже не разбирала слов. Он пытался поднять меня, голова не держалась, а я видела только противоположный конец столовой, где одни дети убивали другого ребенка. А потом все исчезло.

Признать Бога означает полностью смириться с людскими страданиями. И, думаю, я приняла Бога и полностью приняла человеческую скорбь, хотя до событий в столовой ее было не так-то много в моей жизни. Кому-то мои слова покажутся наивным лепетом девочки-подростка. Только там, в столовой, было все: и Бог, и скорбь, и смирение.

Теперь же я не жива и не мертва, не сплю и не бодрствую, готовясь к переходу в Иной Мир. А мой Джейсон остается там, среди живых.

Милый Джейсон. В глубине души он знает, что, где бы я ни оказалась, я буду присматривать за ним. А еще, думаю, теперь он понял то, с чего я начала свой рассказ: хоть на небе ярко светит солнце, а детские личики до боли милы и наивны, с воздухом, которым мы дышим, с водой, которую пьем, и с пищей, которую едим, в нас неизбежно закрадывается чернота этого мира.

Часть вторая

1999: Джейсон

Вы не найдете меня на фотографиях, снятых газетчиками вскоре после кровопролития. Вы знаете, о чем я: о тех снимках, где дети фломастерами пишут стихи на гробе Шерил, вместе собираются на молитву на скользком полу спортивного зала или молятся ранним утром за общим завтраком, в то время как стоящие позади них грустные мужчины в костюмах и галстуках мечтают о вкусном обеде. Меня там нет. А если бы и был, то уж точно б не молился.

Я хочу, чтобы вы это поняли с самого начала.

Только час назад я, маленький добропорядочный гражданин огромной страны, занял очередь в филиале банка «Торонто Доминион», что в нашем северном Ванкувере, собираясь перевести на свой счет деньги с чека моего толстопузого босса Леса, а потом прогулять остаток рабочего дня. Но, запустив руку в карман, я вместо чека вытащил приглашение на поминки по брату, и меня словно окатило ледяной водой. Я сложил приглашение, сунул его обратно и начал заполнять банковский бланк. Взглянул на настенный календарь – 19 августа 1999 года – и, была не была, исписал все свободное место на бланке нулями, так что получилось «19 августа 0000001999 года». Даже двоечнику по математике, вроде меня, было бы ясно – такая запись означает то же самое, что и просто 1999 год.

Когда я дал чек с бланком кассиру по имени Дин, он вытаращил глаза и посмотрел на меня с таким ужасом, будто я собрался его ограбить.

– Сэр, – сказал он, – вы неправильно написали дату.

– Отчего ж неправильно? – спросил я.

– Там лишние нули.

Темно-синяя рубашка Дина резала мне глаза.

– Объяснитесь, пожалуйста, – попросил я.

– Сэр, сейчас тысяча девятьсот девяносто девятый год, а не ноль-ноль-ноль-ноль-ноль-ноль тысяча девятьсот девяносто девятый.

– Это одно и то же.

– Не совсем, сэр.

– Позовите, пожалуйста, управляющего.

Пришла Кейси, женщина примерно моих лет. (У нее каменное лицо человека, привыкшего приносить дурные вести и готового продолжать свою работу до гробовой доски.) Она вполголоса перекинулась несколькими словами с Дином, после чего обратилась ко мне:

– Мистер Клосен, могу я узнать, почему вы написали такую странную дату?

Я стоял на своем:

– Нули перед числом не меняют его значения.

– Математически это верно.

– Послушайте, я всегда ненавидел математику, и вы, наверное, тоже...

– Мне очень нравилась математика, мистер Клосен.

Кейси была на взводе, но и я не собирался отступать. Я пришел в банк без малейшей мысли об этих нулях. Они возникли сами собой. Только раз уж возникли, приходится их защищать.

– Бог с ней, с математикой, – сказал я. – Может, эти нули действительно нечто означают. Может, они говорят, что через миллиард лет – а ведь когда-то пройдет миллиард лет – от нас останется всего лишь прах. Даже не прах – молекулы!

Тишина.

– Представьте, сколько миллиардов лет впереди, – воодушевленно продолжал я. – Миллиарды лет, которых нам никогда не увидеть.

– Мистер Клосен, – наконец произнесла Кейси, – если это какая-то шутка, то я готова понять ее мрачный юмор. Однако этот бланк не удовлетворяет требованиям к официальной банковской документации.

Тишина.

– Неужели он не наталкивает вас на размышления? – настаивал я. – Не заставляет думать?

– О чем еще думать?

– О том, что произойдет с нами после смерти.

Зря я это сказал. Дин с Кейси переглянулись, и сразу стало ясно, что они все про меня знали. Про меня, про Шерил, про 1988 год и про мою дурную славу полупомешанного. *Бедняга, он так и не справился с этим потрясением...* Сколько можно считать меня ненормальным?! Спокойным голосом, хотя внутри все бурлило от злости, я сказал:

– Я хотел бы снять все деньги и закрыть счет.

Они отреагировали так, будто я попросил разменять двадцатку.

– Разумеется, – холодно ответила Кейси. – Дин, закройте, пожалуйста, счет мистера Клосена.

– И все? – удивился я. – Просто «Дин, закройте, пожалуйста, счет мистера Клосена»? Ни вопросов, ни уговоров?

Кейси посмотрела на меня:

– Мистер Клосен, у меня две дочери, и мне хватает мыслей о том, как протянуть следующий месяц. А тут приходите вы и спрашиваете, что случится в миллиард одна тысяча девятьсот девяносто девятом году. Думаю, вам следует найти более подходящих собеседников. Поймите правильно, мистер Клосен, я не пытаюсь от вас избавиться. Просто у меня тоже есть проблемы.

Глядя на ее левую руку без обручального кольца, я спросил:

– Можно пригласить вас на обед?

– Что?

– Тогда на ужин.

– Нет! – Быстрый взгляд на длинную очередь, увлеченно следящую за нашим разговором. – Дин, пожалуйста, приступайте. Мистер Клосен, мне пора идти.

Гнев утих, осталось только желание уйти. Чтобы отлучить меня от банка, Дину хватило пяти минут, и теперь я стоял на тротуаре, курил самокрутку, а по карманам штанов, поверх которых свисали незаправленные края рубашки, было распихано пять тысяч двести десять долларов. Я решил покинуть тихий, законопослушный северный Ванкувер и направиться к океану, в западный Ванкувер. На пересечении Семнадцатой и Беллеву я зашел открыть счет в отделении Канадского имперского торгового банка и, увидев позади кассиров сейф, поинтересовался – можно ли снять в нем камеру. Ее оформили мгновенно. Сюда я положу свои записи, когда совсем их закончу. И вот еще что я сделаю: адресую-ка эти записи вам, племяшки. Так что, если меня даже переедет автобус, вы все равно получите их 30 мая 2019 года, на свой двадцать первый день рождения. А если я доживу до этого дня, то передам все самостоятельно. Но пока пусть мои воспоминания полежат здесь. Так вернее.

К слову сказать, эти первые страницы я пишу в кабине своего грузовичка, припаркованного на Беллеву, недалеко от Эмблсайдского пляжа и пристани, где носятся на роликах шальные дети, а вьетнамцы ловят крабов, напичканных кишечной палочкой. Пишу на обратной стороне розовых квитанций, которые вручил мне Лес. Воздух теплеет – ах, как приятно ветер щекочет лицо, – и я чувствую себя (прямо как в рекламе нового внедорожника) совершенно свободным.

С чего бы начать?

Пожалуй, с того, что я был женат на Шерил Энвей. Об этом никто не знает, кроме меня – и теперь вот вас. Сущее безумие, ей-богу. В те годы я был семнадцатилетним, изголодавшимся по сексу юнцом, смущенным навязанными мне религиозными идеями о том, что плотская любовь возможна только между мужем и женой, только для воспроизведения потомства, и даже тогда – только в пижаме (видимо, чтобы совсем лишиться себя удовольствия). Когда я предложил Шерил сбежать в Лас-Вегас и там обвенчаться, то и представить себе не мог, что она согласится. Мой план возник после фильма про азартные игры, который нам показывали на математике, – предполагается, что так можно заинтересовать школьников статистикой. (О чем учителя только думают?!)

Да, а мы-то о чем думали? Свадьба?! В Лас-Вегасе?!!

И вот мы слетали туда на выходных. Такие желторотые, такие наивные, будто и не люди вовсе. Будто цыплята. Или даже нет, эмбрионы.

Как крохотные эмбриончики мы ехали от аэропорта к «Сизерс-пэлас», и я все поражался сухому и жаркому воздуху. Как давно это было: кажется, миллиард лет прошло...

Вечером по фальшивым документам мы обвенчались. В свидетели нам достался нееряха шофер, который возил нас по «Стрипу». В течение следующих полутора месяцев школа перестала для меня существовать, спорт стал досадным недоразумением, друзья позабылись. Только Шерил имела значение, и поскольку мы держали нашу свадьбу в секрете, постоянно оставалось острое, дразнящее чувство чего-то запретного – куда приятнее, чем если бы мы повременили со свадьбой и поступили бы как разумные люди.

После Вегаса начались проблемы. Чокнутые моралисты из «Живой молодежи», религиозной организации, в которой числились мы с Шерил, неделями следили за нами – не исключено, что с подачи моего братца Кента. Когда я перешел в последний класс, Кент учился на втором курсе в Университете Альберты, но продолжал руководить организацией.

Мне так и слышатся его телефонные вопросы здешним «молодежникам»:

«Горел ли у них свет?»

«Когда он погас?»

«В каких комнатах?»

«А пиццу они заказывали?»

«В котором часу они вышли из дома?»

«Вместе или порознь?»

Как будто мы их не видели! Впрочем, они были такими же цыплятами, что и мы. Семнадцать лет – это ерунда. В семнадцать ты все еще в утробе матери.

Что скажет женщина о тридцатилетнем мужчине, который в три тридцать семь рабочего дня сидит в кабине пикапа лицом к Тихому океану и увлеченно пишет что-то на обратной стороне розовых квитанций? Такой мужчина – загадка. Может, у него есть работа, а может, и нет. Рядом с ним сидит собака: это хороший знак; значит, он способен на дружбу. Дальше пол собаки: если кобель, это хуже – такой мужчина, наверное, сам как пес в стае; если сучка, то лучше. Правда, если мужчине за тридцать, плоха любая собака – значит, он больше не доверяет людям. И вообще, над собаководладельцем моего возраста придется изрядно потрудиться...

Потом щетина: это признак возможного пьянства. Но если мужчина сидит за рулем пикапа, он не совсем еще спился, так что смотри, дорогая, то ли еще будет. И что может писать мужчина, сидя лицом к океану в три тридцать семь пополудни? Может, стихи, а может – письмо, где он просит прощения. Только если он пишет живые слова, а не бизнес-план или другую рабочую гадость, в нем должны шевелиться чувства. А раз так, не исключено, что у него даже есть душа.

Может, в порыве великодушия вы скажете, что душа есть у всякого? У меня – как ни хочется полностью избавиться от отцовских догматов – душа точно наличествует. Я бы с радо-

стью сказал, что ее нет, однако это неправда. Я ее чувствую: она, как маленький уголек, тлеет где-то глубоко в животе.

И все-таки, я уверен, иногда люди рождаются без души. Отец считает так же; пожалуй, единственный вопрос, где наши мнения сходятся. Не знаю, как их назвать: отцовское «чудовище» близко, хоть и не совсем подходит. Впрочем, это не важно; главное, так бывает.

Ну да хватит о чудовищах. Даже без семи пядей во лбу можно уверенно сказать – у того, кто днем пишет нечто перед океаном в Западном Ванкувере, неприятности. Если я чего-то и узнал за свои неполные двадцать девять лет жизни, так это простую вещь – две трети мыслей каждого встречного заняты неприятностями. Есть у меня такой дар (хотя «дар» – вряд ли верное слово): могу взглянуть на вас, на него, на нее – да на кого угодно – и сказать, что вас гложет, что не дает сомкнуть глаз по ночам. Деньги, зависть, работа, злые дети или, может, чья-то смерть. Смерть, эта вечная актриса в разных масках; только и ждет, чтобы выпрыгнуть на сцену. Даже поразительно – как мало несчастий преследует род человеческий.

Ррр-гав! Джойс, белый лабрадор, моя преданная собака, вскочила с места. Что случилось, девочка? Ага, случился бордер-колли с резиновым мячиком в зубах. Броди, лучший приятель Джойс. «Хватит скрипеть пером, хозяин», – укоризненно смотрит она на меня.

Часом позже.

Бог – это представление человека о том, что ему неподвластно. Это мое, обывательское определение. Только оно, по-моему, не хуже других. А мне необходимо...

Подождите: Джойс, забравшись на скамейку, вконец разгрызла теннисный мячик и явно удивляется: чего это мы – находимся в двух шагах от пляжа и все еще не кидаем в воду палок? У нее нескончаемый запас энергии.

Потерпи, Джойс, не торопи папу. Папа – ничтожество с насквозь пропитой печенью; папа расстраивается, понимая, какой посредственностью оказался в жизни. И не смотри так, пожалуйста: твои влажные глаза, будто острый нож, пронзают мне сердце. Я все-таки еще чуть-чуть попишу.

Как видите, я разговариваю с собаками. И не только с ними, а вообще со всеми животными. Животные гораздо человечнее людей; я это понял еще до школьного кровопролития. Меня все считали почти немым. Даже Шерил. Эх, почему я не собака? С какой радостью я стал бы животным – любым, пусть даже жуком. Лишь бы не быть человеком.

Джойс, кстати, должна была стать собакой-поводырем, но ее не взяли: сказали, ростом не вышла. Было б возможно переселение душ, я бы предпочел в следующей жизни воплотиться в собаку-поводыря. Благороднее профессии не найти. Джойс вошла в мою жизнь около года назад. Я впервые увидел ее, четырехмесячного щенка, у старухи заводчицы с Боуэн-айленда, для которой строил «кухню ее мечты». Старушка надеялась соблазнить новой кухней свою филиппинскую горничную и упросить ее не перебираться в другой город. Джойс оставалась последней из помета – самый серьезный и грустный щенок на свете. Днем она устраивалась спать в моей кожаной куртке, а в перерывах заползала греться мне в подмышки. Старуха заводчица посмотрела на это и через несколько недель сказала: «Послушай-ка, да у вас любовь!» Я прежде над этим как-то не задумывался, а вот стоило ей произнести эти слова, как стало очевидно: она права. «Знаешь что, – сказала она, – я думаю, вы просто созданы друг для друга. Поставь мне двойные окна в гостиной на выходных – и можешь ее забирать». Конечно же, я сменил окна...

Еще чуть позже.

Мы вернулись в машину, и я опять разглядываю приглашение на поминки по Кенту.

Ровно год назад раздался звонок от Барб, вашей матери, которая в 1995 году, к всеобщей радости, вышла за моего праведного братца. Я возвращался с ремонта в доме одного гонконгца.

Было около шести, и я прикидывал, в какой бы бар податься, когда зазвонил сотовый телефон. Сейчас вам, наверное, не понять, но в девяносто восьмом году мобильники были мало того, что дорогушими – доллар за минуту разговора, – так еще громоздкими и неудобными.

– Джейсон, это Барб.

– Барб? Как жизнь?

– Джейсон, ты за рулем?

– Да. Давай поговорим позже.

– Останови машину.

– Что?

– Что слышал.

– Барб, послушай, может, ты...

– Черт тебя дери, Джейсон, да останови ты гребаную машину!

– Слушаюсь, Ева Браун, – буркнул я и свернул на обочину перед выездом на Вест-вью-драйв. Ваша мать всегда любила контролировать ситуацию.

– Ну, остановился? – проверила она.

– Да.

– Поставил на нейтральную передачу?

– Барб, тебе что, больше заняться нечем, кроме как мужиками на расстоянии управлять?

– У меня плохие новости.

– Ну, что там?

– Кент погиб.

Я до сих пор помню трех ласточек, которые носились в волнах горячего воздуха, идущих от асфальта. И помню свой глухой голос:

– Как это случилось?

– Полицейские говорят, он не мучился. Ни предупреждения, ни боли, ни страха. Только его больше нет.

Попробую зайти с другой стороны. В день кровопролития Шерил опоздала в школу. Накануне вечером мы ругались по телефону, и когда, во время химии, я увидел, как ее машина подъехала к школьной стоянке, я встал и, даже не спросив разрешения, вышел из класса. Мы встретились у ее шкафчика и продолжили разговор о том, что пора уже рассказать всем о нашей свадьбе. Резкий разговор. Те, кто нас видел, скажут потом, что мы кричали друг на друга.

Мы договорились встретиться в полдень в столовой. Остаток утра уже не имел для меня значения. Позже, когда началось следствие, школьники и преподаватели в один голос утверждали, что я выглядел: а) озабоченным, б) рассеянным и в) будто бы что-то замышляющим.

Когда раздался звонок на обед, я сидел на уроке биологии, глухой к словам учителя. Глухой, потому что, открыв для себя секс, больше не мог ни на чем сосредоточиться.

Кабинет биологии был дальше всех от столовой: тремя этажами ниже в противоположном конце здания. По пути я остановился у своего шкафчика, бросил туда книги, словно ненужный мусор, и хотел было идти дальше, как меня вдруг поймал за руку Мэтт Гурский, модник из «Живой молодежи».

– Джейсон, нужно поговорить.

– О чем, Мэтт? Мне сейчас некогда, я спешу.

– Некогда обсудить судьбу своей бессмертной души?

Я смерил его взглядом:

– Даю тебе ровно шестьдесят секунд. Время пошло.

Он пригладил безупречно уложенные волосы.

– Мне не нравится, как ты со мной...

– ...Пятьдесят три, пятьдесят две, пятьдесят одна...

- Хорошо. Что происходит между тобой и Шерил?
- Происходит?
- Да. Мы знаем, что вы занимаетесь, то есть занимались...
- Чем занимались?
- Сам знаешь. Этим.
- Этим?
- Перестань отнекиваться. Мы сами все видели.

Я вообще-то крепкий парень. И уже тогда был неслабым. Схватив Мэтта левой рукой за горло, я оторвал его от пола и стукнул головой о дверцу шкафчика.

– Послушай, ты, жалкий, назойливый таракан... – Я бросил его на пол и навалился сверху, намертво прижав коленями к полу. – Если ты посмеешь еще раз хотя бы подумать, что ты или другие беспольные члены твоей шпионской команды могут навязывать мне свою пустую мораль, – удар в лицо, – я приду ночью к твоему дому, разобью трубой окно в твоей спальне и этой же самой трубой раскрою твое самодовольное свиное рыло. Надеюсь, я понятно выразился? – спросил я, поднявшись, и пошел к столовой.

Я взбирался по лестнице, но не чувствовал под ногами ступенек, как будто шел по багажной ленте в аэропорту.

Я добрался, наверное, до середины второго этажа, когда услышал звуки, которые принял вначале за взрывы хлопушек. Ничего удивительного: на носу Хэллоуин. Потом мимо меня пробежали двое десятиклассников, а за ними – уже целая толпа толкающих друг друга школьников. Одна знакомая девочка, Трейси, которая с восьмидесяти первого года развозила газеты по моей улице, крикнула, что трое парней в столовой расстреливают ребят. Она побежала дальше, а у меня перед глазами встали кадры из фильма «Гибель “Посейдона”» – лица героев, когда они поняли, что лайнер переворачивается; разбитые бутылки из-под шампанского; ледяные фигурки лебедей; люди, падающие в холодную воду...

Включилась пожарная тревога.

Расталкивая толпу, я рванул по лестничному пролету. Походя я оцарапал руку о шершавую стену, расписанную в веселые тона какого-то отдаленного райского уголка. Звон пожарной сигнализации долбил по голове.

На последней ступеньке стояли учитель английского мистер Крогер и заместитель директора мисс Гармон. Оба беспомощно озирались: педагогический опыт не помогает, когда школьников начинают расстреливать.

– Туда нельзя, – перегородил мне дорогу мистер Крогер, едва я попытался проскользнуть между ними. Тем временем из коридора, ведущего к столовой, доносились страшные звуки выстрелов. – Иди вниз, Джейсон.

Из разбрызгивателей сверху полилась вода – словно самый настоящий дождь.

– Там же Шерил!

– Вниз! Сейчас же!

Я схватил учителя за руку и попытался оттолкнуть, однако не рассчитал силу: он потерял равновесие и покатился вниз по лестнице. (Боже, звук такой, будто со шкафа упала коробка со старым хламом.)

Стрельба продолжалась. Я помчался к столовой, добежал до вестибюля. Пол здесь был усыпан детскими телами, точно тыквами наутро после Хэллоуина. Я перешел на шаг. По единственному уцелевшему стеклу на дверях вестибюля струилась вода, в которой играл свет, отражавшийся от выставленных на полках призов и наград. Мимо пробежала Лори Кемпер, участница драмкружка. Одна ее рука была залита чем-то багровым и странно болталась. Другим детям повезло меньше: изуродованное тело Лейлы Уорнер лежало у стены. Выбежали еще два окровавленных ученика, а один парень (помню только его имя: Дерек), беспомощно барахтавшийся в кровавом ручейке, прохрипел:

– Не ходи туда!

– Господи, Дерек! – Я поднял его и оттащил к лестнице.

Бегом вернувшись в вестибюль, я разглядел через стеклянные двери столовой троих парней в камуфляже – известных всей школе тупиц. Двое из них выясняли отношения, грозя друг другу ружьями, а третий, с карабином, наблюдал за ссорой в сторонке. Ребята лежали под столами. Может, они переговаривались, может, нет – за звоном сигнализации, воем сирен и ревом вертолетов ничего было не разобрать. А вот в вестибюле, я помню, стояла удивительная тишина, несмотря на весь этот шум. Такую тишину и покой ощущаешь в загородном домике, когда за окном бушует метель.

Я попытался мыслить логически. «Они вооружены, – сказал я себе. – Что толку идти на ружья с голыми руками?» Огляделся в поисках чего-нибудь – достаточно тяжелого, чтобы можно было убить. Долго искать не пришлось. Снаружи, за разбитым окном, стояли кадки с деревьями, а в них, защищая землю от окурков, была насыпана речная галька. Я вылез в окно. Школу оцепили полицейские с ружьями, понаехали машины «скорой помощи», какая-то женщина держала в руках громкоговоритель. За полицейскими машинами столпились школьники: только ноги виднелись между колес. Схватив самый большой камень, размером с кокосовый орех, а весом – с хорошую гантель, я бросился назад. Убийц осталось двое: третий, раскинув руки, замер на полу.

– Бросай оружие! Сейчас же! – крикнул я тому, кто склонился над мертвым товарищем.

– Что? – поднял он голову. – Да ты рехнулся!

Убийца выстрелил и промазал. Я же, позабыв про все вокруг, оценивал расстояние между нами, вес камня, силу моих мышц. Время будто замерло. А потом – раз, два, три, эх! – я совершил лучший в жизни бросок, и мерзавец рухнул как подкошенный. Умер мгновенно, сказали позже. И поделом!

И тут я увидел Шерил. И всю сцену побоища: мертвых, раненых, лужи крови. Я опустился под стол, взял Шерил на руки, прижал к себе. Я повторял ее имя снова и снова... Но она лишь на какое-то мгновение встретилась со мной глазами, а потом ее голова запрокинулась, и Шерил могла видеть только, как третьего убийцу придавили длинным тяжелым столом. Ребята отталкивали друг друга, борясь за право вскарабкаться на стол, как немцы, крушившие Берлинскую стену в восемьдесят девятом, а потом начали прыгать, ломая кости палача, будто рождественские орехи. Раз, два, ТРИ – законы внешнего мира уже не сдерживали их – раз, два, ТРИ! С каждым новым прыжком стол приближался к полу, пока наконец от человеческого тела не осталось буквально мокрое место. Они прыгали, а я обнимал Шерил и смотрел.

Несколько минут спустя.

Полуголый, я сижу на гладком бревне, которое волны когда-то оторвали от плавучего заграждения и выбросили на берег. Воздух пахнет мидиями. Джойс и Броди носятся по воде за невозмутимыми чайками. Пока собаки увлечены игрой, я пишу дальше.

Расскажу-ка я об одном из своих первых воспоминаний, повлиявшем на всю мою последующую жизнь. Тогда мой отец, Редж, заставил меня встать на колени в гостиной и покаяться перед Богом. Я смотрел по телевизору празднование двухсотлетия США (выходит, стояло лето семьдесят шестого и мне было всего пять лет), стал щелкать каналами и секундой дольше задержался на том, где светловолосая «искусительница» в дешевых бриллиантах разыгрывала холодильник. Редж, уловив в передаче лишь ему ведомую греховность, подскочил, выключил телевизор, а потом заставил меня помолиться за мою будущую жену, «которая, может быть, еще не появилась на свет». Я не мог представить себе жену и спросил, как она будет выглядеть. В ответ Редж рывком поставил меня на ноги и отлупил до полусмерти. Потом он сел в машину и укатил – возможно, в мужской религиозный клуб, куда частенько наведывался, – а мама,

дождавшись, пока его машина скроется из виду, сказала: «Знаешь, сынок, в следующий раз просто представь себе ангела».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.